

© 2010 г.

О.Ю. КАЗАКОВА

К ИСТОРИИ КОНКУРСА ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМИИ “СМЕРТЬ ПРЕЗИДЕНТА ЛИНКОЛЬНА” (1866–1867 годы)

Французская Академия основана в 1635 г. по инициативе кардинала Ришелье и является старейшим ученым собранием Европы. В ее состав входят 40 “бессмертных” – выдающиеся писатели, политики, ученые. Основная задача организации заключается в заботе о чистоте и совершенствовании родного языка. Со времени создания Академия активно поощряет науки, искусства и словесность через систему грантов и премий. У истоков этого щедрого меценатства стояла премия за красноречие и лучшее поэтическое произведение, учрежденная в 1671 г.

Интересующая нас страница летописи поэтических конкурсов относится скорее не к литературной, а к политической истории Франции эпохи Второй империи (1852–1870)¹. В правление Наполеона III Академия превратилась в гнездо праволиберальной оппозиции. Осколки правительств и парламентов Реставрации, Июльской монархии и Второй республики собрались под сводами здания Коллежа четырех наций на берегу Сены.

Наполеон III был не властен над этими упрямыми старцами, сумев продвинуть в число “бессмертных” или прельстить посулами (сенаторством, пэрством, близостью ко дворцу) не более пяти-шести человек. Научно-литературная фронда объединилась вокруг крупнейших фигур своего времени – графа Ш. Монталамбера (либеральные католики) и А. Тьера (орлеанисты, умеренные республиканцы). Всякая публичная активность академиков прямо или косвенно носила оппозиционно-политический характер. Именно в данном контексте следует рассматривать поэтический конкурс на тему “Смерть президента Линкольна”.

В стенах Академии не раз заходила речь о Новом Свете. Ее знаменитые члены (Р. де Шатобриан, А. де Токвиль, Ж.-Ж. Ампер, В. Гюго, А. де Виньи и пр.) глубоко интересовались Америкой, а некоторые слыли ее поклонниками. Тем не менее в рамках литературного конкурса американская проблематика впервые стала предметом поэтического прочтения².

Во второй половине 1860-х годов в рядах “бессмертных” состояло девять поэтов и два профессора поэзии. Они представляли такие направления национального

Казакова Ольга Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент Орловского государственного университета.

¹ Актуальная политическая направленность тем – “Восточная война” (1858), “Суэцкий канал” (1861), “Франция на Дальнем Востоке” (1863) – заметно отличает изучаемый период от предыдущего, для которого характерны конкурсы, посвященные памяти членов Академии, выдающимся национальным поэтам и писателям, литературной славе Франции (1831), влиянию христианства на Востоке (1841), открытию пара (1847) и т.п. (Biré E., Grimaud E. Les poètes-lauréats de l'Académie française. 2 t. Paris, 1864).

² Например, в 1864 г. по случаю морского сражения между федеральным корветом “Кирседж” и южным шлюпом “Алабама” у французских берегов парижская пресса шутила, что сюжет “Алабама”, гибнущая в волнах» достоин стать темой очередного поэтического конкурса Академии (Le Charivarie. 29 juin 1864).

стихосложения, как классицизм и романтизм. Оба течения предъявляли определенные требования к сюжету. Для первого из них характерны ориентация на античность, рационалистическое построение отвлеченных и обобщенных идей и образов. Романтики, напротив, искали темы, “трогающие сердце”. Они отличались пристрастием к таинственному и магическому, интересом к внутреннему миру идеализированных героев, а также обличением уродства и пошлости буржуазного строя.

Очевидно, охваченные капиталистической лихорадкой США середины XIX в., поклонявшиеся материальному успеху, техническому прогрессу и практически-полезному труду, не соответствовали критериям прекрасного, менее всего казались достойными поэтизации. Предшествующее поэтическое поколение вдохновляла этноприродная экзотика Америки как предистории цивилизации, не случайно ее описание изобиловало эпитетами “девственная”, “первобытная”, “наивная”, “чистая”, “заповедная” страна. Однако по выражению Г. Санье, при Второй империи «эпитет “американский” перестал ассоциироваться с лесными дебрями в пользу обозначения им бессердечной цивилизации»³. Подвизавшиеся на поэтической ниве пытались зарифмовать “трансатлантический телеграфный кабель”⁴, опозитизировать гул станков и рев двигателей по примеру Максима Дю Кана (члена Французской Академии с 1880 г.), призывавшего: “Бросьте взгляд через Атлантику, // В трудах вы застанете сильную Америку – // С засученными рукавами, уверенностью в душе и в поте лица!”⁵. Показательна реакция И.С. Тургенева на новации Дю Кана: «Один стихотворец вообразил, что нужно “проводить” реализм – и с усилием, с натянутой простотой воспекает “Пар” и “Машины” – (...) капли нет поэзии»⁶.

Многие литераторы считали США слепком с западноевропейского буржуазного общества, их отвращали омассовление культуры, индустриализация, урбанизация, духовная нищета заокеанского населения. С эстетической, мировоззренческой, моральной точек зрения французские поэты решительно отрицали привлекательность современной американской цивилизации.

Убийство президента США (1865) явилось из ряда вон выходящим событием национальной и мировой истории, поднимавшим универсальные темы жизни и смерти, долга и предательства, добродетели и греха. Как отмечалось в “Заграничном вестнике” П.Л. Лаврова, “словно недоставало чего-то поэтического этой грубой, прозаической фигуре добродушного, правдивого, чистосердечного старика Аба, всю жизнь трудившегося, постоянно исполнявшего честно свой долг – и вот смерть окружает его ореолом, чтобы и в этом отношении слава его была полна”⁷. С литературной точки зрения выбор темы очередного конкурса кажется необычным, но вполне логичным. Возникает вопрос, почему она не объявила ее в 1865 г. – на пике общественного интереса к личности Линкольна и его гибели?

На наш взгляд, в данном случае Академия руководствовалась политической конъюнктурой. Во-первых, конкурс явился ответом умеренных либералов на активизацию республиканско-демократического крыла, для которого скорбь по Линкольна стала поводом для демонстрации силы и сплоченности. В мае 1865 г. 3 тыс. студентов митинговали у американского посольства в Париже, по всей стране прошли манифестации и конференции, было опубликовано несколько биографий президента. Благодаря бурному отклику французских республиканцев на гибель Линкольна, его имя, ранее мало интересовавшее публику, вызвало у нее короткую вспышку энтузиазма⁸. В этой

³ Sagnes G. L'ennui dans la littérature française. De Flaubert à Laborgue (1848–1884). Paris, 1969, p. 227.

⁴ Véron Th. Le câble franco-américain. – Les mélodies. Poésies nouvelles. Paris, 1870, p. 110–112.

⁵ Du Camp M. Les chants modernes. Paris, 1860, p. 63.

⁶ Переписка И.С. Тургенева. М., 1986, т. 1, с. 344.

⁷ Заграничный вестник, 1865, № 6, с. 478–479.

⁸ Arnavon C. Images françaises du président Abraham Lincoln. – Revue anglaise. Janvier – mars 1959, p. 8.

связи обращает на себя внимание акцентирование в теме академического конкурса именно момента смерти американского президента.

Во-вторых, политическая мотивация решения “бессмертных” проясняется в свете либерализации авторитарного режима Наполеона III во второй половине 1860-х годов (восстановление гражданских прав, расширение компетенции парламента, сотрудничество кабинета с умеренной оппозицией). Более десяти лет Академия была местом добровольного затворничества для бывших государственных деятелей, которые теперь начали возвращаться к политической жизни, заявляя о своих настроениях и амбициях разнообразными акциями.

В-третьих, тема терроризма стала актуальна в связи с покушениями на глав европейских государств. Итальянские патриоты неоднократно пытались убить Наполеона III. В апреле 1866 г. Д.В. Каракозов стрелял в императора Александра II. В разгар конкурса, 6 июня 1867 г., польский эмигрант А. Березовский покушался на жизнь русского царя, прибывшего в Париж на Всемирную выставку. Члены Академии из гуманных, идеологических и религиозных убеждений отвергали подобные методы борьбы. Подводя итоги, жюри особо подчеркивало, что искало в стихах “сочетания простоты с ясно выраженным отвращением к политическим убийствам”⁹.

Наконец, конкурс можно рассматривать как выпад лично против императора французов Наполеона III. Поводом стал выход в свет его четырехтомной “Истории Юлия Цезаря” (1865–1866, с портретом Цезаря работы Ж.-Д. Энгра, где римский диктатор весьма похож на Наполеона I). Хотя, по мнению специалистов, некоторые части сочинения имеют историческое значение, оно писалось для современников – здесь автор раскрыл свои представления об идеальном правлении и предложил нации культурного героя. Как известно, цезаризм брал начало от Юлия Цезаря и характеризовал правление обоих Наполеонов. Он заключался в узурпации власти главой государства при демагогических заявлениях о ее демократической основе и сохранении декоративных конституционных форм.

Воспользовавшись выходом книги, национальная интеллектуальная элита удвоила усилия по критике персональной диктатуры Наполеона III. На страницах подцензурной печати пример американской демократии превратился в оружие ее идейно-политической борьбы, а Линкольн – в антипод Цезаря, воплощавший, по словам французского историка Ж.-Б. Дюрозеля, “поруганный демократический идеал, мало кем оспариваемый”¹⁰. Поэтому в обращении Академии к образу 16-го президента США можно видеть завуалированный протест либеральной интеллигенции против империи и цезаризма.

Принявшие участие в конкурсе около 200 человек уловили его политическую подоплеку и с разной степенью художественной убедительности воспели заокеанскую разумную свободу и демократический характер правления Линкольна.

Мотив свободы, борьбы с любыми формами рабства и угнетения звучал буквально в каждом сочинении. “Пусть же вечно правит в Соединенных Штатах // Свобода, столь драгоценная для нас!” – восклицал Феликс Люк, почтовый чиновник из Дижона¹¹. Ему вторил студент ветеринарного училища Гриньона Эрнест Пион: “Свобода! Надо ли ее еще раз воспевать? // Французы ее любят, американцы – обожают”¹². Либеральный мотив конкурсных работ можно рассматривать и как речевой штамп, и как способ маскировки пробелов в знаниях авторов о США.

Гораздо большей осведомленности и искусства требовало доказательство демократичности правления Линкольна. Показателен пример Артюра Луве, одного из так называемых поэтов- “политиков”, продолжателей революционных традиций П.-Ж. Бе-

⁹ Institut imperial de France. Académie française. Séance publique annuelle du 29 août 1867. Paris, 1867, p. 32.

¹⁰ *Duroselle J.-B.* La France et les Etats-Unis des origines à nos jours. Paris, 1976, p. 139.

¹¹ AF – 2. D 64. G 67. № 6. Félix-Ferdinand Luc, p. 16.

¹² № 28. Ernest Pion, p. 1.

ранже¹³. В стихотворной форме Луве воспроизвел недавнюю дискуссию по поводу смерти американского президента. Суть спора заключалась в оценке роли главы государства при демократическом строе. Вопрос этот – далеко не праздный для французской общественности, так как Наполеон III основал империю на плебисцитарной демократии, придавшей легитимность его правлению. Правая пресса утверждала, что внезапная гибель лидера страны ведет к дестабилизации обстановки, разрушению внутривластного равновесия. Левые, напротив, расценивали убийство Линкольна как гуманитарную, личную трагедию, но не политический кризис, подчеркивая, что Линкольн исполнял обязанности президента, оговоренные и ограниченные конституцией, следовательно, их с успехом будет нести его преемник. Луве, разделяя левые взгляды, утверждал в конкурсном сочинении, что лишь смерть короля приносит хаос, а в государстве со всеобщим избирательным правом “лидер, умирая, оставляет нации // Принципы, законы, конституцию”¹⁴.

Примечательно, что образ Линкольна – демократа, антипода узурпатора, столь очевидный в 1866 г., не казался таковым еще два – три года назад. С начала Гражданской войны в США (1861–1865) французы опасались роста милитаризма за океаном. В 1862 г., когда северяне повсеместно терпели поражения, автор одной из брошюр писал: «За столом адвоката Линкольна вам шепчут в одно ухо “Вот наш президент”, а в другое – “Это наш будущий первый консул”»¹⁵. После освобождения рабов в США (1863), которое в Старом Свете считали разрешением конфликта Севера и Юга, Гражданская война продолжилась, и во Франции заговорили о наполеоновских планах Линкольна по узурпации власти. Наблюдателям из других стран такая мысль не приходила на ум, тем более что на эту роль претендовал генерал Дж. Мак-Клеллан, прозванный “маленьким Наполеоном” за рост, воинское звание и политические амбиции (он баллотировался в президенты в 1864 г.). В самих США демократическая пресса, агитируя против переизбрания Линкольна, оперировала именами Тиберия, Нерона, Гелиогабала¹⁶.

В Гражданской войне Наполеон III негласно поддерживал южан, поэтому его идейные противники считали своим долгом отстаивать интересы Севера. Очевидно, обсуждение гипотетических узурпаторских намерений американского президента было очередным поводом для внутривластной борьбы во Франции. Оно, безусловно, повлияло на восприятие Линкольна конкурсантами – указанная проблематика заняла важное место в их поэтических размышлениях.

Парижанин Леон Ноэль объяснял несостоятельность персональной диктатуры за океаном политическим устройством США, заключающим “практику властвования” в “границы Долга”¹⁷. Дезире Бонвилль, скромный железнодорожный служащий из провинции, выразился проще:

Он не узурпировал корону,
Подобно героям Греции и Рима,
Не терял хладнокровия, никого не убивал,
Не бесчестил, не преследовал честных граждан¹⁸.

Профессиональные литераторы и опытные графоманы не скупались на эмоции, сильные эпитеты, звонкие фразы. Например, профессор Э. Постель из Кана особо подчеркивал, что покойный президент не был ни Цезарем, ни узурпатором. Мог ли он, – спрашивал автор,

¹³ *Badesco L.* La generation poétique de 1860. Paris, 1971, t. 1, p. 189–191.

¹⁴ № 75. Louvet, p. 1 v.

¹⁵ *Haut M.* La crise américaine, ses causes, ses résultats probables, ses rapports avec l'Europe et la France. Paris, 1862, p. 55–56. Первым консулом был Наполеон Бонапарт с момента совершенного им государственного переворота (1799) до провозглашения империи (1804).

¹⁶ Тиберий, Нерон, Гелиогабал – римские императоры, чьи имена служили символами тирании, произвола и разврата.

¹⁷ № 49. Leon Noël, p. 2.

¹⁸ № 4. Désiré Bonneville, p. 1.

Как палач Варшавы,
Разрушать поработленную Америку,
Отрезать головы слепым детям,
Бесчестить историю страны,
Запятнав кровью свою победу,
Подобно тиранам-триумфаторам?
Нет!...¹⁹

В цитате чувствуется тонкий расчет Постеля на благосклонность жюри, хотя по смыслу конкурсного задания его пассаж неуместен. Упомянутый “палач Варшавы” – это генерал М.Н. Муравьев-Виленский по прозвищу “Вешатель”, подавивший польское восстание 1863–1864 гг. Как известно, Наполеон III, слывший защитником угнетенных наций, тогда поддержал поляков в пику России, но в 1866–1867 гг. отношения между империями необыкновенно потеплели. Французы же под влиянием пропаганды, активности многочисленной славянской эмиграции и по собственной воле продолжали сочувствовать полякам.

Конкурсанты выбрали различные стратегии изложения сюжета. Несмотря на указанное в задании конкретное событие, крайне редко они ограничивались описанием момента убийства и смерти Линкольна, предпочитая более широкую перспективу раскрытия темы, начиная со стандартного некролога и биографии Линкольна и кончая описанием события в контексте американской и мировой истории.

Некролог имеет собственные каноны, включает краткую биографию усопшего, перечень его душевных качеств и заслуг. К данному приему прибегали те участники, кто немного знал о Линкольне – государственном деятеле, но находил в себе талант и воображение для цветистого рассказа о достоинствах Линкольна – человека. Показательный пример – стихотворение в 20 строк гравера Аристида Сакле, состоящее из ритуальных эпитетов и шаблонных фраз:

Умерев, он обессмертил себя...
Слава великому человеку!
Этому твердому защитнику демократии. (...)
Человечество служило ему благородной Надеждой,
Его сердце явилось эмблемой Долга²⁰.

Конкурсанты соревновались в описании выдающихся моральных качеств погибшего и изощренности образного ряда, уподобляли Линкольна мифологическим, библейским, историческим персонажам. Критик и историк искусства Филипп Бюзони (1806–1883) назвал его человеком античности, образцом добродетели²¹, будущий водевилист Люсьен Кардоз – героем человечества²², телеграфный служащий из Египта Э. Тавене – человеком Долга²³, актер Дюбарри Нёвиль – “ангелом скромности”, “стоическим апостолом и ревностным моралистом”²⁴.

Библейскую галерею образов открыл Верьё, уподобив Линкольна Моисею, водившему свой народ по пустыне и нашедшему Землю обетованную²⁵. Профессор лицея в Шамбери Л. Грандзень увидел в покойном апостола Петра²⁶. Профессор из Кана Э. Постель сравнил Бута с Каином, а Линкольна – со Спартак²⁷. Образ Спартака уже использовался в американском контексте в 1859 г., когда Виктор Гюго, отчаян-

¹⁹ № 42. E. Postel, p. 2 v.

²⁰ № 7. Aristide Saclé, p. 1.

²¹ № 84. Philippe Busoni, p. 9.

²² № 16. Lucien Cardoze, p. 1.

²³ № 44. Thavenet, p. 1.

²⁴ № 24. Dubarry Neuville, p. 1–1 v.

²⁵ № 25. Verrieux, p. 2.

²⁶ № 54. L. Grandsaignes, p. 4 v.

²⁷ № 42. E. Postel, p. 2 v.

но боровшийся за жизнь аболициониста Джона Брауна, воскликнул после его казни: “Вашингтон убил Спартака!”. Дипломат Эдуар Гренье уподобил Линкольна Христу, близок к этой ассоциации был профессор коллежа в Сансере Анри Мартен, вспомнив Тайную вечерю и сравнив Бута с Иудой²⁸. Наконец, Ж.-Б. Лавинь собрал воедино образы, соседства с которыми Линкольн достоин:

Взойди, взойди к вершинам, одухотворенным верой,
О, великая тень! На Синай, с которого тебе улыбается Моисей,
На Голгофу, откуда Христос тебе приветливо кивает,
На Кавказ, где Прометей истерзанный страдает²⁹.

Анализ конкурсных сочинений показывает, что авторы отдавали предпочтение сюжетам Ветхого и особенно Нового Завета. Между тем во Франции XIX в. господствовало классическое обучение с упором на древние языки и античную словесность, так что образно-символическое богатство греко-римской мифологии и истории являлось органической частью поэтического лексикона эпохи. В нем без труда можно было выбрать имена, олицетворяющие полководческие, управленческие, законодательские таланты государственного деятеля. Однако поэтам хотелось выделить душевные качества Линкольна. Примечательно, что из античной галереи образов они указали на Цинцинната, ставшего синонимом скромности³⁰ (Эдуар Гренье), и Публикола (Попликолу), одного из легендарных основателей Римской республики, по преданию, отказавшегося от роскошного и слишком нависавшего над Форумом дома и раздавшего имущество бедным (морской офицер Альбер Пере³¹). Очевидно, библейские идеи смирения, подвижничества и мученичества оказались более созвучны представлениям конкурсантов об американском президенте.

Трагическая смерть вкупе со стереотипным представлением о Линкольне – освободителе рабов определили “житийный” характер его биографии с такими аспектами, как бедное сиротское детство, раннее осознание своего предназначения, жизнь, исполненная страданий, непрестанная и освященная религиозной верой борьба с угнетением. К примеру, автор драматической поэмы так описал жизненный путь Линкольна: “С ранних лет благородный ребенок // Посвятил себя доле несчастных! // (...) Талантом наделен и твердым духом, // Чувством справедливости – чистой и честной”³².

В своей трактовке участники конкурса не были оригинальны, но отражали общественные настроения и ожидания жюри. Действительно, согласно “Журналу двух континентов”, “общественное мнение провинилось перед живым Линкольном (тем, что подозревало его в цезаризме. – *О.К.*), говорят, что оно прилагает огромные усилия, дабы искупить свою вину перед лицом его смерти”³³. С другой стороны, по отзыву Ксавье Мармье (члена Французской Академии с 1870 г.) о влиятельном среди “бесмертных” Монталамбере, “либералы всех мастей для него как святые. Он присвоил имя святых даже протестантам, Линкольну, американской демократии”³⁴.

Конкурсанты не жалели красок для изображения несчастного детства будущего президента, воспроизводя распространенные ошибки и мифы. Например, Эмиль Блемон описал “сына грубых крестьян, // Вскормленного в нищете и сиротстве с деся-

²⁸ № 38. Henri Martin, p. 3.

²⁹ № 58. J. B. Lavigne, p. 6 v.

³⁰ По преданию, Луций Квинций Цинциннат работал в поле, когда ему приехали сообщить об избрании его диктатором для борьбы с внешним врагом. – *Прим. ред.*

³¹ № 31. Albert Perès. Недоразумение: сведений о раздаче Попликолой имущества бедным в античной традиции нет.

³² La mort de Lincoln. Poème dramatique. Paris, 1868, p. 11. В архиве Французской Академии сохранилась лишь часть работ, некоторые из них анонимны либо под псевдонимами, поэтому их авторство невозможно установить.

³³ Forcade E. Chronique de la quinzaine // Revue des deux mondes. 1865, t. 57, p. 243.

³⁴ Marmier X. Journal (1848–1890). Genève, 1968, t. I, p. 346.

ти лет”³⁵. Помимо поэтических преувеличений о нищете и крестьянской семье (еще А. де Токвиль говорил, что в США нет крестьян в европейском понимании, т.е. экономически зависимых арендаторов помещичьей земли, а речь идет о фермерах-собственниках), обращает внимание факт сиротства Линкольна. Как известно, его отец дожил до 1851 г., а после смерти матери Авраама воспитывала мачеха. Ошибка берет начало в 1860 г., когда специалист по США А. Кюшеваль-Клариньи в авторитетнейшем “Журнале двух континентов” дал биографическую справку о новом президенте как о сироте без отца с шести лет³⁶, позднее Пьер Ларусс, издатель знаменитого “Большого словаря XIX века”, рассказал о Линкольне-сироте с десяти лет.

Конкурсанты обратили внимание на трудовой путь будущего президента, преимущественно до адвокатской и политической карьеры, подчеркивая, что тяжелая физическая работа стала источником его добродетелей и авторитета. Они вспоминали об опыте пионера³⁷, плотогона, работавшего под “свист индейских стрел”³⁸ и особенно часто дровосека, “сына лесов”³⁹. Как известно, еще в юности Авраам получил прозвище “щепкоруб” за сноровку в этом ремесле. В период избирательной кампании 1860 г. и республиканская, и демократическая партии эксплуатировали имидж лесоруба: одни – желая подчеркнуть близость Линкольна к народу, другие, – его неотесанность, неспособность к политической деятельности⁴⁰. Французские поэты придавали большое и положительное значение рассказу о Линкольне-дровосеке.

Эти суровые работы – сила нации,
Часовые нашей цивилизации,
Сложившие свои топоры к стопам столетий⁴¹.

Все без исключения конкурсанты отметили вклад Линкольна в освобождение негров. В эпоху Второй империи можно выделить несколько модных тем, на которые тратились огромные интеллектуальные усилия, обращалось неослабевающее внимание публики. Речь идет об отделении церкви от государства, правах женщин и освобождении рабов. Сама Франция отменила рабство в революционном 1848 г., что давало ей моральное превосходство при обсуждении положения негров в США⁴². После “Хижины дяди Тома” М. Бичер-Стоу подавляющее большинство французов искренне желало освобождения чернокожих. Как сказано выше, отмену рабства в США французы восприняли как сигнал к окончанию Гражданской войны. Когда страна узнала о смерти президента, именно национальный комитет по освобождению рабов объявил подписку на медаль его вдове, за несколько дней собрав 40 тыс. подписей⁴³.

Закономерно, что образ Линкольна – освободителя с воодушевлением рисовался участниками поэтического конкурса. “Под плитою могильной покоится Линкольн, // Славная и святая жертва, оплатившая жизнью // Свободу и права порабожденной расы!” – восклицал один из них⁴⁴. Рабство представлялось ими то катарактой, то гидрой, то вампиром, а Линкольн – спасителем, выполнившим свое предназначение. Между тем, президент выступал против распространения рабства, но не был радикальным аболиционистом. Он аннулировал освобождение невольников, провозглашенное генералом Дж. Фремонт в начале Гражданской войны, исторической прокламацией

³⁵ № 69. Emile Blémont, p. 1.

³⁶ *Revue des deux mondes*. 1860, t. 30, p. 676.

³⁷ *Prarond E.* Op. cit., p. 16.

³⁸ № 8. J. P. Desgranges, p. 2.

³⁹ № 28. Erneste Pion, p. 2, 3.

⁴⁰ См. подробнее: *Алентьева Т.В.* Образ Линкольна на Юге. – Всеобщая история. Современные исследования. Межвузовский сборник научных трудов, вып. 12. Брянск, 2003, с. 64–76.

⁴¹ № 46. E. Nibaut, p. 6.

⁴² “Мы, – подчеркивал один из конкурсантов, – совершенно свободно говорим о равенстве, братстве белых и черных, смысл которого надо объяснить американцам” (№ 63. Pascale Pic).

⁴³ *Gastineau B.* Histoire de la souscription populaire à la médaille de Lincoln. Paris, 1865.

⁴⁴ *La mort de Lincoln.* Poème dramatique. Paris, 1868, p. 9.

от 22 сентября 1862 г. дал свободу рабам только мятежных плантаторов. В свое время эти полумеры с негодованием комментировались французской прессой. На наш взгляд, сужение поля оценок личности и деятельности шестнадцатого американского президента до освобождения рабов свидетельствует о серьезном искажении восприятия и о слабой информированности конкурсантов о нем и США в целом. Потому столь немногочисленны сочинения, содержащие не речевые штампы и мифы, а конкретное и достоверное описание жизни Линкольна, истории и современности Америки.

Между тем, конкурсное жюри требовало от участников “верного изображения американского народа”⁴⁵. К несомненным удачам можно отнести произведение пикардийца Эрнеста Прарона (1821–1909), будущего историка и мэра Абвиля. Он представил Линкольна квинтэссенцией заокеанской цивилизации, сосудом, наполненным “душой Америки”. Прарон продемонстрировал хорошее знание США, что неудивительно – он побывал там в 1863 г. и выпустил цикл поэтических впечатлений об Америке, “прозаичной и сказочной, настоящей и призрачной”, о рабах, “Полишинелях без дубинок бутафорских, черных Арлекинах”, о Линкольне, “верховном избраннике, вожде без венца, победителе без солдат”⁴⁶.

В конкурсном стихотворении Прарон показал себя заинтересованным и осведомленным очевидцем конфликта Севера и Юга:

Причины распри – дочери устаревших обычаев,
Права Союза и права штатов,
Вопросы рабства, тарифов,
Принесшие столько горя матерям⁴⁷.

Его соотечественники могли лишь воображать перипетии заокеанской жизни, их знания были недостаточны для красочной образности, уводили прочь от поэтического вдохновения к таким пассажам:

[плантаторы надеялись] примерить Америке царский венец,
Упразднить вероломным декретом
Конституцию республики

или “его (американца. – *О.К.*) верное оружие – избирательная урна”⁴⁸.

Академический конкурс может служить показательным примером, иллюстрирующим особенности восприятия Америки во Франции, степень и характер внимания, интереса к ней, содержание инокультурных представлений, мнений, стереотипов, образов. Недостаток либо специфику информации из-за океана (в основном политической, газетной) участники восполняли эрудицией, собственным опытом и фантазией. Одни конкурсанты брали описываемое событие в широкой перспективе (в частности, Бовале начал с открытия Америки и прогресса мореплавания)⁴⁹, другие вспоминали отрывочные эпизоды, как С. Боне из Монпелье, написавший о калифорнийской золотой лихорадке конца 40-х – начала 50-х гг.⁵⁰, третьи воображали, по примеру Армана А. из Пуатье, “край, где всегда хорошая погода, как на полотне живописца”⁵¹.

Серьезное внимание участники поэтического испытания уделили критике современной американской цивилизации, воспроизведя те обвинения в эгоизме, материализме, утилитаризме, стяжательстве, которые предъявляли ей литераторы первого ряда. Адвокат Люсьен Рате увидел причину Гражданской войны в “эгоистичном Богатстве”, как болезнь, поразившем американцев⁵². Будущий военный историк Ш. Тума призвал

⁴⁵ Institut imperial de France..., p. 32.

⁴⁶ *Prarond E. De Montréal à Jérusalem. Paris, 1864.*

⁴⁷ *Prarond E. La mort du Président Lincoln..., p. 17–18.*

⁴⁸ *La mort de Lincoln. Poème dramatique..., p. 11.*

⁴⁹ № 2. Beauvaller.

⁵⁰ № 52. S. Bonnet, p. 1 v.

⁵¹ № 35. Armand A..., p. 1.

⁵² № 23. Lucien Raté, p. 3.

их “быть великодушными, чтобы стать великими”, осознать священный смысл духовности и слова Божьего, признать приоритет права над силой⁵³.

В конкурсных работах с неожиданной для сюжета о смерти чужеземного президента силой прозвучала патриотическая тема. Доктор Вилле восклицал: “О великий 1792-й год! // О, время! О, воспоминания! О, завидная слава! // О родина!”⁵⁴. Французы хорошо знали и всегда гордились своим вкладом в историю заокеанской республики. Как известно, Людовик XVI поддержал колонистов в войне за независимость, отправив в Америку корпус генерала Ж.-Б. Рошамбо. По убеждению одного из конкурсантов, именно поэтому его стране небезразлична судьба США: “Скорбь Франции безмерно глубока, // Ибо ей всегда нравился Новый свет, // Край, где Линкольн нашел последний приют, // Благословлен Лафайетом, прославлен Рошамбо!”⁵⁵.

Особое значение интеллектуальная элита придавала участию Франции в формировании политической концепции и идеологии заокеанской республики. Та самая разумная свобода Америки, которой так восхищались французские либералы, воспринималась ими как плод национальной просветительской мысли. Поэтому неудивительно, что конкурсанты Паскаль Пик из департамента Сена-и-Марна и Эмиль Лабретоньер из Ля-Рошели начали отсчет истории США от Вольтера. Современная Америка представлялась хранительницей того бесценного идейно-политического капитала, которым Франция воспользуется, освободившись от имперского гнета. Эжен де Монзи из департамента Дордонь определил роль Нового Света, как поводыря, светоча надежды, носителя благой вести⁵⁶. Александр д’Ажиу завершил сочинение такими строками:

Тебе скажу лишь напоследок,
Что скоро моя родная Франция
Украсит чело ореолом
Таких же ослепительных лучей, что и твои⁵⁷.

Все эти поэтические аллюзии лишний раз показывают, насколько была сильна политическая конъюнктура на академическом конкурсе, давшем бесцензурную трибуну противникам империи, приверженцам либерально-демократических идеалов.

Из двух сотен представленных стихотворений к конкурсу было допущено лишь 94, а остальные признаны слабыми⁵⁸. Победителем поэтического соревнования академики признали Эдуарда Гренье (1819–1901).

Совсем молодым он начал работать в министерстве финансов, вскоре перейдя на дипломатическое поприще. Гренье служил в Берлине, затем в Берне, а потеряв пост после переворота Наполеона III, нашел место личного секретаря молдавского господаря. Благодаря дружбе с Проспером Мериме он вошел в круг поэтов. За свои длинные, богатые мифологическими образами и символикой поэмы Гренье получил признание ценителей стиха и Академии (в 1876 г. баллотировался в “бессмертные”). Из его забытого наследия самым ценным являются литературные воспоминания о Ламартине, Мюссе, Жорж Санд, Мериме.

С точки зрения стиля творчество Гренье является подражательным в русле романтизма А. де Мюссе, А. де Виньи, П. Шелли. На фоне популярных поэтических экспериментов модернистов, сюрреалистов, авангардистов той эпохи его манера была элегантной, одухотворенной, утонченной, но старомодной. Работа победителя не просто написана хорошим литературным языком, она отвечала требованиям Академии к содержанию конкурсного задания. Стихотворение содержало перечисленные выше особенности французской трактовки личности и деятельности Линкольна, в то же время автор мягче, более иносказательно откликнулся на злободневные проблемы

⁵³ № 51. Ch. Thoumas, p. 8 v.

⁵⁴ № 78. Villers, p. 26.

⁵⁵ № 75. Louvet, p. 2.

⁵⁶ № 37. Eugène de Monzie, p. 3 v.

⁵⁷ № 30. Alexandre Thomas d’Agiout, p. 15 v.

⁵⁸ Institut imperial de France ... p. 32.

современной Франции, проявил интуицию и изобретательность в раскрытии темы. Например, он использовал распространенный образ плавильного тигля, в котором Америка создает свободных людей, легким прикосновением пера обозначил противостояние американской демократии российскому деспотизму, “колоссу Севера, чья тень нам угрожает”.

Гренье нашел разумный компромисс между поэтическими образами и фактами заокеанской действительности. Начав изложение с избирательной кампании 1860 г. (“Линкольн пришел – печальный и одинокий, ведомый лишь Богом...”), он, как и некоторые другие участники, уподобил страну кораблю, гонимому ветром Раздора. Множество пышных и изощренных рифм посвящено нравственной красоте покойного президента, его христианскому героизму, простоте, нежности, праведности. Весьма эмоционален был пассаж о демократизме Линкольна:

Итак? ты умер! – Но по какой иронии
Спасла тебя судьба от трагической агонии
Какого-нибудь Цезаря, хулителя свободного человеческого рода?

Оригинально раскрыта тема политического убийства:

И ты, фигляр, опьяненный ролью исламского фанатика,
Ты, кого ждут Равальяк⁵⁹ и отцеубийцы,
Слепой преступник!

По воле автора с осуждением Бута выступили Сократ, Платон, Ян Гус, Лютер, Меланхтон⁶⁰, Жанна д’Арк и Иисус. Финальные строфы произведения выдержаны в духе традиционного некролога:

Упокойся с миром, герой, мудрый и великий плебей,
Упокойся с миром, мы тебя благословляем! (...)
Будущее вознесет твой образ и имя
Выше Цезаря – рядом с Вашингтоном!⁶¹

Поэзия открывает заманчивые перспективы для исследователя, занимающегося исторической имагологией⁶², изучающей инокультурные представления. Она подразумевает не просто особую организацию текста (стихотворный размер, рифму, ритм), но и максимальную для текстовых источников концентрацию образов. Сущность поэзии и состоит в мышлении в словесных образах. Романтическая приподнятость, гражданская патетика, лирический подъем, моралистический пафос, словом, эмоциональная насыщенность содержания также составляет свойство поэзии. Поэтический образ можно трактовать как совокупность идей об иностранце, отражающую эстетические вкусы, идеологию и воображение публики, представляющую собой изображение культурной реальности. Работы, присланные на конкурс Французской Академии, написанные людьми различной степени образованности, стоящими на разных ступенях социальной лестницы, демонстрируют богатую палитру мифов, стереотипов, мнений французских современников о Линкольне и США, раскрывают уровень знаний о внешнем мире, характер интереса и особенности восприятия Америки. Работа Э. Гренье наиболее полно выразила специфику образа Линкольна во французском общественном мнении – его сакрализацию и политизацию, т.е. восприятие в контексте современной внутриполитической конъюнктуры и идеологической борьбы.

⁵⁹ Франсуа Равальяк (1578–1610) – католический фанатик, убивший французского короля Генриха IV.

⁶⁰ Филипп Меланхтон (1497–1560) – немецкий гуманист и теолог, соратник Лютера.

⁶¹ Grenier E. La mort du president Lincoln..., p. 116–117.

⁶² От лат. *imago* – “образ”. – Прим. ред.